

Эволюция взглядов на обоснование актов применения силы до начала становления современных институтов

Коростелев Станислав Валентинович

Заместитель начальника экспертно-аналитического управления Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств
Кандидат юридических наук, доцент
ksv1@iacis.ru

РЕФЕРАТ

Статья обращается к проблеме обоснования справедливого характера обращения к силе в исторической ретроспективе. Формирование современной доктрины справедливой войны берет начало в Древней Греции и Риме. Постулаты справедливого обоснования применения силы отвергались ранними христианами, но затем получили развитие в трудах Блаженного Августина и Фомы Аквинского. Позднее религиозная доктрина справедливой войны была развита и заменена секулярной в трудах ученых-теологов, философов и юристов, таких как Джон Локк, Гуго Гроций, Жан Боден, Томас Гоббс, Эмерик де Ваттель. К началу века стало очевидным, что режим самовывживания, обоснованный в доктрине суверенитета, не обеспечивает безопасности государств, и это в свою очередь привело к созданию международных институтов в сфере обеспечения безопасности. Данные институты позволяют государствам объединять свои ресурсы для обеспечения общих интересов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

суверенитет, теория справедливой войны, применение силы, международная норма, вестфальский договор

Korostelev S. V.

The Evolution of Views on the Rationale for Uses of Force Prior to the Establishment of Modern Institutions

Korostelev Stanislav Valentinovich

Deputy Head, Department of Analysis and Expertise of the Secretariat of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States
PhD in Judicial Science, Associative Professor
ksv1@iacis.ru

ABSTRACT

This article addresses the issue of justification of uses of force in historical perspective. Formation of the modern doctrine of Just War originated in ancient Greece and Rome. Ancient postulates of rationale for just uses of force were initially rejected by early Christians, but then were developed in the writings of St. Augustine and Thomas Aquinas. Later religious doctrine of just war was developed and replaced by a secular one in the works of scientists, theologians, philosophers and lawyers, such as John Locke, Hugo Grotius, Jean Bodin, Thomas Hobbes, Emeric de Vattel. By the beginning of the century it became evident that self-survival regime, grounded in the doctrine of sovereignty, does not ensure the security of States, and this in turn led them to the creation of international institutions in the sphere of security. These institutions allow States to combine their resources to secure common interests.

KEYWORDS

sovereignty, theory of just war, use of force, international norm, Treaty of Westphalia

Любое государство, обращаясь к вооруженному насилию, всегда заявляет о существовании у него справедливых причин для развязывания войны. Обоснование обращения государств к военному насилию может носить как чисто теоретическое обоснование, так и иметь в своей основе историческое исследование прецедентов.

Теоретическое обоснование, чаще всего определяемое как «теория справедливой войны», имеет дело с объяснением, предписанием и предсказанием того, каким образом и почему ведутся войны. В своей основе данная критическая теория опирается, главным образом, на этические аспекты оправдания обращения к военной силе и выбора форм ее применения, раскрывает содержание тех или иных принципов и норм, использованных для обоснования и объяснения поведения государств в зависимости от характера войны и конкретной ситуации.

Теория справедливой войны развивалась на протяжении всей задокументированной истории человечества. Дошедшие до нашего времени документы свидетельствуют о том, что воюющие всегда заявляли о следовании каким-либо моральным посылам. Однако данные соображения, регулировавшие, например, отношение воинов к женщинам и детям, на самом деле были лишь заботой о воспроизводстве военной силы — женщины и дети считались законной и особо ценной военной добычей. Уничтожение их в справедливой войне, вместо захвата, считалось постыдным вовсе не ввиду каких-то моральных ограничений: подрывался военный потенциал¹. Очевидно, что, со временем, данные «ресурсные» ограничения стали ограничениями религиозно-моральными, а затем вошли в нормы обычного права, а затем — в договорные нормы современного международного гуманитарного права.

Любой акт применения военного насилия также получает и историческую оценку, которая иногда определяется как «традиция справедливой войны» и которая в конце концов оформляется в обычные правила, а иногда и в формальные юридические соглашения, применяющиеся или, по крайней мере, обсуждаемые, в сфере регулирования ведения вооруженной борьбы. В традиции справедливой войны (*iustum bellum*) теоретики выделили правила, которые регулируют обращение к войне (*ius ad bellum*), и правила, которые регулируют поведение в ходе военных действий (*ius in bello*). Эти два набора правил, даже будучи включенными в современное позитивное международное право, ни в коем случае не являются взаимоисключающими: они лишь предлагают набор моральных руководящих принципов для принятия решения на применение силы.

В этом следует согласиться с Р. Г. Апресян, который говорит о данном феномене следующее: «...границы между принципами справедливой войны и нормами международного права далеко не всегда различимы вследствие того, что первые представляют собой частный случай применения вторых, а сами эти нормы стали результатом обобщения и институционализации интеллектуального опыта, накопленного именно в традиции понимания справедливой войны»².

¹ Моисей в разъяснении израильтянам Синайского Законодательства и других божественных установлений указывал на справедливые для того времени правила ведения войны: «Когда подойдешь к городу, чтобы завоевать его, предложи ему мир; если он согласится на мир с тобою и отворит тебе [ворота], то весь народ, который найдется в нем, будет платить тебе дань и служить тебе; если же он не согласится на мир с тобою и будет вести с тобою войну, то осади его и [когда] Господь Бог твой предаст его в руки твои, порази в нем весь мужской пол острием меча; только жен и детей и скот и все, что в городе, всю добычу его возьми себе и пользуйся добычей врагов твоих <...> Так поступай со всеми городами...» (Втор. 20:10–20:16). Однако как применение меры возмездия за неисполнение религиозных предписаний либо за отказ разрешать споры мирными способами Моисей разрешал убийство и детей и женщин (Числ. 21:21–21:34, 31:7–31:18).

² Апресян Р. Г. Метанормативное содержание принципов справедливой войны [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2002/3/6.htm> (дата обращения: 09.09.2009).

При изучении истории международных норм, регламентирующих применение силы, можно установить, что им присуща ориентация на моральные стандарты, характерные именно для данного исторического периода. Исходя из этого, представляется возможным разделять историю развития теории обоснования актов применения силы на периоды, основываясь на доминирующих в конкретный период моральных воззрениях. Хотя деление истории на исторические периоды является приблизительным и не должно восприниматься как установление в жесткие рамки, оно все же может быть полезным для понимания генезиса современного *ius ad bellum*.

Уже в древних религиозных писаниях можно выделить некоторые нормативные ограничения для применения силы, чаще всего отражающие определение «священной войны»: единственным элементом, определявшим справедливость обращения к вооруженному насилию, было получение необходимого благословения духовной власти, и даже завоевательные войны полагались священными, если они проводились с такой «санкции» всевышнего.

Со временем понятие священных войн было заменено понятием справедливых войн. В данном случае применение властями военной силы считалось разрешенным при наличии общепризнаваемой справедливой причины, а санкции духовных властей уже не рассматривались как обязательное условие легитимации актов применения силы.

Первая существенная и задокументированная в европейской истории попытка развития доктрины справедливой войны была предпринята во времена развития античной классической мысли Греции и Рима. Одним из первых авторов, утверждавших, что применение силы обязательно должно быть справедливо обоснованным, был Аристотель. В своей «Политике»¹ он критиковал Лакедемон и Крит за их ориентацию на ведение войн как основу существования государства. Для Аристотеля война представлялась не самоцелью, а только средством достижения «благой жизни» для граждан политического сообщества и как способ достижения мира. Основываясь на таком общем заключении, Аристотель считал, что боевая подготовка должна быть направлена на достижение трех целей, которые, в свою очередь, служат объяснениями справедливости ведения войны.

Первой целью обращения к войне было «недопущение порабощения». В сравнении с современностью это может быть соотнесено с неотъемлемым правом государства на самооборону. Второй законной целью подготовки к войне по Аристотелю являлось достижение гегемонии «на пользу подвластным», и здесь он предполагал возможность использования силы для установления политического правления над людьми в интересах этих же людей. И наконец, в качестве третьей цели подготовки к войне им полагалась возможность разрешить людям стать господами тех, кто заслуживает участи рабов и, являясь рабами по своей природе, могли реализовать весь свой потенциал как человеческие существа только в состоянии рабов. Поэтому для реализации такой цели использование силы предполагалось справедливым. Но в отношении других, кто не являются рабами по своей природе, применение силы государством для их порабощения предполагается несправедливым. Теория Аристотеля, по сути, была моральной, не юридической, и он стремился определить не законность войны, а ее моральную справедливость; и, как справедливо отметил, «конечной целью войны служит миф»².

Еще одним классическим мыслителем, работавшим над обоснованием справедливости обращения к войне, был римский государственный деятель и философ

¹ Аристотель. Политика. Книга седьмая [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/aristot/index.php (дата обращения: 02.02.2015).

² Там же, XII (15).

Цицерон, для которого, так же как и для Аристотеля, конечной целью войны является установление мира. В своей работе *DE LEGIBUS* [6] он утверждает, что есть две справедливые причины для начала войны: «...Несправедливы те войны, которые были начаты без оснований. Ибо, если нет основания в виде отмщения или в силу необходимости отразить нападение врагов, то вести войну справедливую невозможно... Ни одна война не считается справедливой, если она не возведена, не объявлена, не начата из-за неисполненного требования возместить нанесенный ущерб...» [6, кн. 3]. Он также соглашается с тем, что «всякая война, которая не была возведена и объявлена, признавалась несправедливой и нечестивой» (XVII, 31) [6, кн. 2], и определяет, что «наилучшее государство никогда само не начинает войны, кроме тех случаев, когда это делается в силу данного им слова или в защиту своего благополучия» [6, кн. 3]. Таким образом, Цицерон в отличие от Аристотеля, сделал акцент на аргументировании легитимности, в соответствии с которым война может считаться законной при существовании справедливой причины и при выполнении необходимых процедурных условий.

В начальном периоде развития христианской церкви большинство ее последователями были по своей сущности абсолютными пацифистами¹. Однако внешнее давление на Римскую империю и участие все большего количества христиан в государственном и военном управлении, привели к тому, что раннехристианский пацифизм стал размываться. Именно тогда христиане стали обращаться к созданной ведущими античными классическими мыслителями доктрине справедливой войны и толковать ее для создания идеологических основ функционирования системы обеспечения военной безопасности христианского государства.

Блаженный Августин первым из известных христианских мыслителей начал формулировать постулаты теории справедливой войны, определяющей обстоятельства при которых обращение к силе должно признаваться справедливым. Например, он писал: «Об умерщвлении людей, которое не относится к преступлению человекоубийства: <...> тот же самый божественный авторитет допускает и некоторые исключения из запрета убивать человека. Но это относится к тем случаям, когда повелевает убивать сам Бог, или через закон, или же особым относительно того или иного лица распоряжением. В этом случае не тот убивает, кто обязан служить повелевшему, как и меч служит орудием тому, кто им пользуется. И поэтому заповеди „не убивай“ отнюдь не преступают те, которые ведут войны по велению Божию...» [1, гл. 21]. Его идея не была выражена в виде системной доктрины справедливых войн, поскольку с религиозной точки зрения истинная справедливость возможна только при божьем царствовании, т. е. определяемая им «справедливость» не имела высокого божественного смысла, а являлась таковой относительно земного существования.

Первой ставшей известной систематизацией принципов определения справедливого характера применения силы стала работа Фомы Аквинского «Сумма теологии»².

¹ Например, Тертуллиан: «...нам раз навсегда запрещено человекоубийство...» См.: *Тертуллиан. Апологетик*. Гл. 9 (8). [Электронный ресурс]. URL: <http://azbyka.ru/otechnik/Tertullian/apologetik/> (дата обращения: 01.02.2015); Ориген: «Что же касается христиан, то они получили заповедь не мстить врагам, и, руководясь (этим) умеренным и человеческим законоположением, они действительно не совершают мщения, даже при существовании у них возможности вести борьбу и при наличии у них необходимых к тому средств. Такое (законоположение) они получили от Бога, Который Сам за них всегда воинствует и в нужные моменты усмиряет тех, которые восстают против христиан и желают истребить их». См.: *Ориген. Против Цельса*. Кн. 3. VIII [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Origen/protiv_celsa/3 (дата обращения: 01.02.2015).

² *Фома Аквинский. Сумма теологии*. Т. VII. Вопр. 40 «О войне». Разд. 1 «Всегда ли греховно вести войну?» [Электронный ресурс]. URL: <http://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-7/40> (дата обращения: 12.12.2015).

Развивая учение Августина, Фома Аквинский выработал системные рамки ранне-христианской доктрины справедливой войны, в общих чертах представляющей то, что позднее будет названо «теорией справедливой войны». Он рассматривает не только вопросы справедливости обращения к силе, но также и допустимые способы ее использования, т. е. определяет начала *ius in bello*. Ведя своего рода диалог с бл. Августином, Фома Аквинский определил три условия применения силы для того, чтобы война была признана справедливой. Во-первых, полномочность правителя, по приказу которого ведется война¹... Во-вторых, необходимо наличие справедливой причины, а именно, чтобы атакованные были атакованы потому, что заслужили это некоторым своим проступком². В-третьих, необходимо, чтобы воюющая сторона имела справедливое намерение, то есть чтобы ее намерением было утверждение добра или предотвращение зла, поскольку «истинная религия полагает мирными те войны, которые ведутся не ради превозношения или жестокости, но ради укрепления мира, наказания злодеев и утверждения добра»³.

Эти три условия для определения справедливого характера войны получили широкое признание и стали отправной точкой в исследованиях характера войн для ученых-теологов, философов и юристов более позднего времени, таких как Джон Локк [10], Гуго Гроций [3], Жан Боден [8], Томас Гоббс [2], Эмерик де Ваттель [7] и др.

К ранее сформулированному базовому критерию справедливой войны — необходимости обращения к силе, данные мыслители добавили идею соразмерности, объясняя, что не каждая причина достаточна для оправдания войны, а лишь те, которые действительно являются серьезными и соразмерны с потерями от самой войны. Иными словами, зарождающееся право на ведение войны взяло в свою основу неправовой принцип взаимности *lex talionis*: для оправдания причин обращения к силе потери государства должны быть примерно сопоставимы потерям от необращения к войне при неоказании сопротивления противнику. При несоответствии таким морально-религиозным ограничениям война предполагалась не только аморальной, но также становилась юридически запрещенной. То есть, уже в то время предполагалось, что объектом применения силы не должны быть безвинные⁴. Как позднее отметил русский дипломат профессор Ф. Мартенс: «Война въ древности объявлялась не только непріятельскому государству и его вооруженнымъ защитникамъ, но вообще всѣмъ лицам, которыя находились на непріятельской территоріи... Во всякомъ случаѣ, религія смягчала жестокости, обычныя въ войнахъ древнихъ народовъ» [5, с. 463].

К началу эпохи Возрождения меньший упор стал делаться на религиозное обоснование справедливости обращения к силе, но по-прежнему для мыслителей того времени война все также предполагалась справедливой только при следовании ряду теологических ограничений. Но уже в XVI–XVII вв. теоретики стали увязы-

¹ «...Согласно служащему поддержанию мира среди смертных естественному порядку необходимо, чтобы право задумывать и объявлять войну принадлежало тем, кто обладает наивысшей властью». Там же.

² «...Война представляется справедливой тогда, когда она является возмездием за несправедливость, когда должно покарать народ или государство за отказ возместить причиненное зло или вернуть то, что несправедливо захвачено». Там же.

³ «...Подчас случается так, что война объявляется законной властью и по справедливой причине, но тем не менее является несправедливой в силу злого намерения, в связи с чем читаем у Августина: „Страсть к нанесению ущерба, жестокая жажда мести, безжалостность и неутомимость, лихорадочное отвращение, возделение власти и тому подобное — все это по праву считается проклятием войны“». Там же.

⁴ «Состязание в мужестве с оружием в руках запрещается не всегда, а только тогда, когда оно неупорядочено, сопряжено с риском [для жизни] и завершается убийством или грабежом». Там же.

вать развитие *ius ad bellum* с человеческой природой, а не с трансцендентным миром. Как отметил уже упоминавшийся Ф. Мартенс: «Въ средніе вѣка впервые вырабатывается общественный порядокъ, основанный на уваженіи къ человѣку и его правамъ. Съ этого времени война начинаетъ подчиняться опредѣленнымъ правиламъ и порядку, который все болѣе развивается, по мѣрѣ того какъ въ новыхъ государствахъ законъ и правильно организованная государственная власть постепенно ставятъ преграды необузданной волѣ лица» [5, с. 463].

Одним из самых именитых публицистов того времени стал Гуго Гроций, сформулировавший в новых секулярных терминах нормы естественного права в вопросах обращения к войне, которые дистанцировали ее от божественной воли. В работе «*De Jure Belli ac Pacis*» («О праве войны и мира») [3, кн. I, гл. II «Может ли война когда-либо быть справедливой?»] Г. Гроций дал свое определение справедливого характера войны. Во-первых, он поддержал раннехристианское положение о легитимности войны при ее ведении законной властью. Во-вторых, он определил, что справедливой причиной для ведения может быть защита людей и имущества. Также Г. Гроций заявил, что применение силы законно в ответ на нереализованное намерение противника, содержащее опасность для жизни или имущества, т. е. сформулировал начала концепции упреждающей самообороны, для ситуаций, когда «опасность должна быть непосредственная и неминуемая по времени». Другой справедливой причиной для начала войны было наказание государства, нанесшего ущерб, т. е. было положено начало формулированию концепции репрессалий. Г. Гроций также определил несколько характеристик для несправедливого применения силы, включающих стремление овладеть лучшими землями, предоставление свободы какому-либо народу, а также установлению правления другими народами вопреки их воле под предлогом того, что это делается во благо этих же людей [3, кн. II, гл. XXII «О несправедливых причинах войн»]. А, например, Т. Гоббс расширил критерий справедливости возможностью ведения войны для обеспечения населения товарами [2, гл. XIV «О питании государства и о произведении им потомства»].

Существенный вклад в определение справедливой причины для обращения к войне относительно христианского толкования сущности *ius ad bellum*, т. е. формирование секуляризированной версии доктрины справедливой войны, внесли также Джон Локк, который предположил, что «...и право на войну, свобода убийства агрессора [возникает], потому, что агрессор не дает времени обратиться ни к нашему общему судье, ни к судебному решению...» [10, b. II, ch. III «Of the State of War», § 19]; и Эмерик де Ваттель, определивший, что «... в отличие от случая, когда не стоит вопрос о наказании противника, все может быть суммировано в следующем правиле: Всякий ущерб, причиненный противнику без необходимости, каждый акт военных действий, который не нацелен на достижение победы и приведение к окончанию войны, являются аморальными, и, как таковые, осуждаются естественным правом» [7, b. III, ch. IX, § 172, p. 573].

Регулирование применения силы в позитивистский период (сер. XVII в. — рубеж XIX/XX вв.) характеризуется, прежде всего, тем, что в международные отношения включились большее число участников, увеличилось количество областей взаимодействия, прежде всего уже на межгосударственном уровне. Как следствие, это привело к перераспределению полномочий на применение вооруженного насилия между участниками межгосударственных и международных отношений, и соответственно, к изменению ролей традиционных элементов мощи государств в достижении военного успеха и политической победы.

Понимание того, какие факторы обусловили процесс такого перераспределения ролей внутри социального устройства участников международных отношений, является ключевым моментом в понимании механизмов легитимации актов примене-

ния силы в данном историческом периоде: произошла замена феодальной системы организации власти, и территориальное государство окончательно стало доминирующей политической частью европейского общества. В отличие от религиозно-иерархичной системы ценностей, преобладавшей в эпоху феодализма, новая международная система концентрировалась вокруг отдельных, относительно автономных государств под управлением, главным образом, монархов, формально состоявших под управлением религиозных властей, но фактически им уже не подчинявшимся. На это развитие повлияли многие факторы, и не последним из них было развитие международной торговли и сопутствующий ей рост новых профессиональных сообществ, и соответственно, снижение роли церкви в распределении ресурсов.

С появлением государственной системы развивалась и теория статуса государства — доктрина суверенности, развитие которой связано с такими авторами, как Жан Боден [8] и Томас Гоббс [2], сформулировавшими фундаментальные принципы построения государственных систем, которые сильными мира сего не признавались до XVII в., т. е. до полного истощения собственных ресурсов в войнах и вынужденных перемирий, оформленных в системе так называемого Вестфальского договора в 1648 г.¹ Эти принципы послужили основой для понимания необходимой организации современной системы государств, и создали исходные условия для реализации, тогда еще не сформулированных положений современного международного права и международных отношений. В соглашениях по окончании войн подписавшиеся стороны взяли на себя обязательства не вмешиваться в определение господствующей религии местными правителями на подвластных им территориях. Так был подтвержден принцип *cuius regio eius religio* — тот, кто правит, выбирает религию. А право правителя на определение религии (т. е. системы ценностей) явным образом подтверждало его независимость и существенную самостоятельность. В своей основе суверенитет подразумевал наличие трех основных положений: во-первых, он означал, что правители конкретного государства — суверены безраздельно господствовали над своей территорией. Ни церковь, ни император не могли даже в течение короткого периода времени осуществлять в их отношении каких-либо контрольных функций, даже при заявленной приверженности той же конфессии; во-вторых, государства рассматривались как юридически равные по отношению друг к другу; в-третьих, исходя из двух предыдущих положений, суверенитет означал, что *a priori* над государствами нет верховенствующего над ними закона без их на то согласия.

Эти сущностные характеристики государства возникли вследствие необходимости концентрации ресурсов посредством формирования единства населения, проживающего на территории государства и стоящей над ним власти как условия обеспечения экономической деятельности, роста населения и его защиты. Вестфальская система не только концентрировала власть внутри самих государств, она также и распространяла ее и во внешнюю сферу, поскольку государства стали субъектами международной ответственности.

Заклученный между Нидерландами и Испанией Мюнстерский договор², как часть Вестфальской договорной системы, обязал конфликтующие стороны обращаться к арбитражу и посредничеству как формам мирного урегулирования конфликтов, установил период продолжительностью три года для «охлаждения» прежде обращения к военным действиям. Также была установлена возможность обращения к санк-

¹ Peace Treaty between the Holy Roman Emperor and the King of France and their respective Allies [Электронный ресурс]. URL: http://avalon.law.yale.edu/17th_century/westphal.asp (дата обращения: 29.11.2014).

² The Treaty of Münster, 1648 [Электронный ресурс]. URL: <http://www1.umassd.edu/euro/resources/dutchrep/14.pdf> (дата обращения: 28.10.2015).

циям в случае неисполнения данных условий. Данные перемены явились предшественниками современной практики в сфере обеспечения международной безопасности. Вообще говоря, все современные согласованные процедуры урегулирования конфликтов происходят из условий Вестфальского мира, который также ознаменовал конец той иерархии международных отношений, которая основывалась на авторитете папы римского и обязанности следования предписаниям католической церкви. Также вестфальские договоры определили ответственность государств-победителей, — Франции и Швеции за обеспечение привилегий и иммунитетов, дарованных принцам и свободным городам Германии. Данное решение явилось существенным вкладом в развитие доктрин международной ответственности и признания государств, определяющих возможность легитимного участия в международных отношениях только тех государств, которые не только желают обладать правами, но и могут исполнять обязанности [9, с. 14].

Институциональные свойства системы сосуществования политически равных обществ в вестфальской системе государств были обязательно связаны с территорией безотносительно формы правления и государственного устройства, или следования какой-либо религии. Нормы взаимодействия легитимных акторов, позднее определенные как «международное право», стали сфокусироваться на развитии ценностей, общих для всех государств, независимо от формы правления. Данная система также способствовала развитию принципа свободы поведения государств, основанного на согласовании их воли, и развитию принципа соблюдения баланса сил, который обеспечивал им самосохранение. Правовые нормы стали действовать как регулятор в отношениях между государствами, но уже не господствовали над ними, как ранее религия.

Практика данного периода также свидетельствует о вынужденности изменений в поведении государств: существенные потери в ходе религиозных войн заставили их формально заявлять о своей приверженности принципам добровольного следования общим ценностям, поскольку формализованные нормы, регулирующие поведение сторон и гарантирующие их суверенные иммунитеты, регламентирующие процедуры заключения и обеспечения договоров, служили их самосохранению.

Причиной добровольного следования нормам, ограничивающим произвольное обращение к силе, также может быть то, что государства обладали ограниченным потенциалом по изменению *status quo* — они находились на одном уровне развития средств и методов ведения военных действий и основным источником военной мощи было население, а при значительной феодальной раздробленности Европы достичь решающего превосходства над противником массированным применением живой силы не представлялось возможным. То есть государство, как институт, не обладало возможностями, как самостоятельного сохранения правопорядка, так и разрушения его, поскольку промышленная революция в данный период еще не в полной мере обеспечивала потребности государств в сфере применения вооруженного насилия. И конечно же, эти нормы не предполагали существования у суверенных государств технологических возможностей для полного уничтожения государств-противников с их населением и институтами, поскольку, в случае победы, именно население побежденного государства дополняло основные источники национальной мощи победителя.

И только в XX в. у государств появились средства ведения войны, позволявшие, в буквальном смысле, уничтожать своих противников. Реализация таких возможностей в международной системе ограничивалась, в первую очередь, лишь соотношением военно-промышленных и мобилизационных потенциалов конкурирующих государств, и только во вторую очередь, концепцией суверенитета, т. е. морально-правовыми ограничениями. Более того, сама по себе концепция суверенитета всего лишь описывает степень автономии государств. Она предполагает необхо-

димось следования процедурам согласования их волей для обеспечения выживания международной системы, но, как следствие, поспособствовала созданию мифа о том, что национальное государство способно самостоятельно определять способы обеспечения своей безопасности.

Концепция суверенитета как базис существования современной международной системы была оформлена в доктрине позитивизма, в соответствии с которой государства не могут быть ограничены каким-либо высшим законом, а единственно действующим правом может быть только то, которое создано с их согласия и может иметь вид, как договора, так и обычая и общих принципов, в том числе, регламентирующих применение силы.

Основным последствием развития доктрины позитивизма было окончательное вытеснение религиозной концепции справедливой войны в качестве основополагающего подхода к *ius ad bellum*: в отсутствие высшего ограничивающего закона или власти государства получили «суверенное» право вступать в войну для отстаивания своих прав в любое время даже при существовании каких-либо моральных ограничений. Единственным жестко ограничивающим моральным ограничением по переходу к войне, принятым в тот период правящими элитами, было требование обязательности объявления войны: государство попросту объявляло войну, и это считалось законным¹. В то же время доктрина предполагала, что «ко времени Гаагской конференции ни писаное право, ни единодушное убеждение (*communis opinio*) ученых не знали правовой нормы — предварительного объявления» [4, гл. XIII «Право войны», с. 144]. В отношении проблемы оправдания войны было отмечено, что это «... не входит в рамки международного права, для которого исторические и социальные причины и следствия войны не имеют сами по себе нормативного значения. Оценка войны («справедливые» и несправедливые войны), как и всякого другого явления социального порядка, зависит исключительно от идеологии оценивающего класса» [4, с. 142].

В целом во время позитивистского периода существовало не так много правил, ограничивающих свободу государств на обращение к силе, но признавалось существование обусловленных различий между полномасштабной войной и справедливым использованием силы, «но не войны». Такое «разрешенное» использование силы ограниченного масштаба признавалось за быстрой операцией в ограниченных масштабах, не влекшей участия основных военных сил государства и включало репрессалии, действия с целью самообороны, отличающиеся от репрессалий тем, что они предназначены не для возмездия, действия по обеспечению свободы судоходства и др. Также допускалось обращение государств к силе для взыскания долгов по обязательствам граждан других государств, но с ограничением случаями, когда «государство-должник отказывается или пренебрегает предложением рассмотреть дело в арбитражном суде или после принятия такого предложения не дает возможности достичь взаимоприемлемого компромисса, или не выполняет решение арбитражного суда о выплате долга»².

Последовавшее развитие технологий, увеличивших возможности государств по

¹ Ст. 1 III Конвенции «Об открытии военных действий» (Гаага, 18 октября 1907 г.) определила, что: «Договаривающиеся державы признают, что военные действия между ними не должны начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения, которое будет иметь или форму мотивированного объявления войны, или форму ультиматума с условным объявлением войны». [Электронный ресурс]. URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_b85 (дата обращения: 25.01.2012).

² II Конвенция об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам (Гаага, 18 октября 1907 г.). [Электронный ресурс]. URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_444?test=4/UMfPEGznhh8RF.ZivokrLwHl4IMs80msh8le6 (дата обращения: 25.01.2012).

уничтожению потенциала противника, продвижение имперских интересов в XIX–XX вв. показали как неспособность отдельного территориально организованного государства самостоятельно защищать потребности своего населения, так и необходимость развития межгосударственного сотрудничества в сфере обеспечения безопасности. А существовавшие тогда морально-правовые ограничения, закрепленные в международных договорах, уже не могли служить международной системе в качестве регулятора отношений в сфере применения силы. Как отметил Е. А. Коровин, «весь комплекс ныне действующего права войны сложился в эпоху с совершенно иным государственно-экономическим строем» [4, с. 143].

Объективным условием необходимости создания новой системы обеспечения международной безопасности стало увеличение числа субъектов международных отношений и появление у государств оружия массового уничтожения. Субъективной основой создания такой системы послужило общее понимание возрастания сложности возникающих проблем как в сфере обеспечения национальной безопасности, так и потребности в мобилизации ресурсов для защиты общих ценностей.

Все это привело к появлению системы обеспечения международной безопасности, которая первоначально была воплощена после Первой мировой в 1919 г. в Лиге Наций, а впоследствии, в 1945 г. — в Организации Объединенных Наций. Данные организации не стали традиционным альянсом государств, ориентированным на поддержание баланса сил и достижение военного преимущества над противниками: они были созданы для концентрации политических, военных, экономических и иных ресурсов государств-членов для защиты общих ценностей, обеспечения механизмов предотвращения конфликтов и их мирного разрешения.

Концепция справедливого применения силы, появившаяся в эпоху античных мыслителей и развивавшаяся в трудах теоретиков более позднего времени, нашла воплощение в ст. 1 п. 1 Устава ООН, который определил, что «поддержание международного мира и безопасности и с этой целью принятие эффективных коллективных мер... должны проводиться в согласии с принципами *справедливости* и международного права»¹.

Общим свойством ранних доктрин обоснования применения силы было то, что они объявляли разрешенным все, что не было запрещено. Они провозглашали, например, некоторые войны справедливыми на основании религиозных категорий, а позднее, с развитием системы государств и, соответственно, международного права, извиняли их каким-либо особым шаблонным юридическим обоснованием, то есть находили, что ведение «справедливой войны» соответствует «праву». Однако еще ни одна война не была ни предотвращена, ни прекращена определением того, что она является несправедливой. Также, по ряду причин нельзя делать вывод из того, что если доктрина дает возможность признать какое-либо применение силы законным, то вооруженные столкновения между другими акторами по другой, отличной причине, тем самым должны быть определены как незаконные. Во-первых, дискуссии о возможном «справедливом» характере войны не должны приводить к признанию рациональности любого акта применения вооруженного насилия — всякий случай применения силы является уникальным (*sui generis*). Во-вторых, все дискуссии о «справедливом» характере войны строятся в одинаковой мере на тенденциозных и сложно проверяемых аргументах конфликтующих сторон, — следовательно, оценка справедливости обращения к силе должна даваться третьими сторонами.

¹ Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter1.shtml> (дата обращения: 20.11.2015).

Литература

1. Блаженный Августин. Творения. О Граде Божиим. Т. 3–4. СПб. : Алетейя, 1998.
2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч. в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1991.
3. Гроций Г. О праве войны и мира. М. : Ладомир, 1994.
4. Коровин Е. А. Современное международное публичное право. Государственное издательство. М., Л., 1926.
5. Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. II. СПб., 1883.
6. Цицерон Марк Туллий. Диалоги: о государстве; о законах. М., 1994.
7. Vattel E. de. *The Law of Nations, or, Principles of the Law of Nature, Applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns, With Three Early Essays on the Origin and Nature of Natural Law and on Luxury* / ed. and with an introduction by B. Kapossy and R. Whatmore. Liberty Fund, Inc. : 2008.
8. Bodin J. *Six Books of the Commonwealth* / ed. and with an introduction by B. Kapossy and R. Whatmore. Liberty Fund, Inc. : 2008.
9. Ku Ch. *Global Governance and the Changing Face of International Law*. 2001 John W. Holmes Memorial Lecture. ACUNS Reports & Papers 2001 N 2.
10. Locke J. *Two Treatises of Government*. London : A. Millar et al., 1764.

References

1. Augustine. *Creation. City of God* [Tvoreniya. O Grade Bozhiem]. Vol. 3–4. SPb. : Aletheia, 1998. (rus)
2. Thomas Hobbes. *Leviathan or the Matter, Forme, & Power of a Common-Wealth Ecclesiastical and Civill* [Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo] // Works in 2 vol. Vol. 2. M. : Thought [Mysl'], 1991. (rus)
3. Grotius. *On the Law of War and Peace* [O prave voyny i mira]. M. : Ladomir, 1994. 868 p. (rus)
4. Korovin E. A. *Modern Public International Law* [Sovremennoe mezhdunarodnoe publichnoe pravo]. State Publishing House [Gosudarstvennoe izdatel'stvo]. M., L., 1926. (rus)
5. Martens F. *Modern International Law of Civilized Nations* [Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov]. Vol. II. SPb., 1883. (rus)
6. Cicero Marcus Tullius. *Dialogues: On the State; On the laws* [Dialogi: o gosudarstve; o zakonakh]. M., 1994. (rus)
7. Vattel E. de. *The Law of Nations, or, Principles of the Law of Nature, Applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns, With Three Early Essays on the Origin and Nature of Natural Law and on Luxury* / ed. and with an introduction by B. Kapossy and R. Whatmore. Liberty Fund, Inc., 2008.
8. Bodin J. *Six Books of the Commonwealth* / ed. and with an introduction by B. Kapossy and R. Whatmore. Liberty Fund, Inc., 2008.
9. Ku Ch. *Global Governance and the Changing Face of International Law*. 2001 John W. Holmes Memorial Lecture. ACUNS Reports & Papers 2001 N 2.
10. Locke J. *Two Treatises of Government*. London : A. Millar et al., 1764.